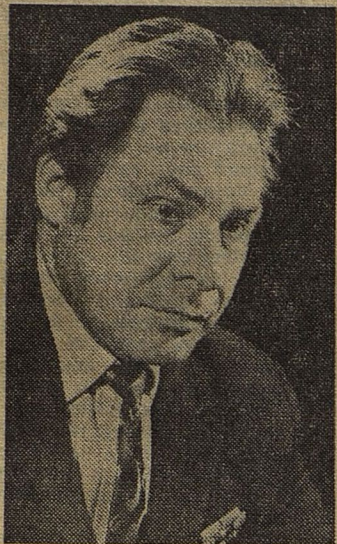

**Евгений
НОСОВ:**

ЧТО БЕРЕЖЕТ МОЯ ПАМЯТЬ

Уважаемая редакция!

С интересом читаем в «Клубе книголюб» беседы с наиболее значительными советскими писателями. Мы бы хотели предложить, чтобы «Клуб» на одно из своих заседаний пригласил замечательного прозаика Евгения Носова, повесть которого «Усыатские шлемоносцы» выдвинута недавно на соискание Государственной премии СССР. Книги Евгения Носова отличаются прекрасное знание русской речи. По-русски величавы картины природы, которые вроде бы уж и не пером, а красками пишет писатель, красоты и неповторимы у него образы простых русских людей...

Заранее благодарны вам.

ПЕРМЬ.

Семья ШПАКОВСКИХ.

ним, использованным и вынужден искать новую форму раскрытия темы. Вот почему эта вещь написана в столь своеобразной манере.

То, что я написал о войне не заземленно, а дал некую тональную и стилистическую подсветку, — веление времени. По мере удаления от нас тех огненных лет свершенные подвиги обретают все более высокий героико-былинный смысл, уже нашедший свое воплощение, например, в монументальной скульптуре. Стали необходимостью, особенно для нового поколения, родившегося после войны, размышления о свершенном, минувшем, которое высвечивало бы и наше будущее в единой связи времен.

Работая над «Шлемоносцами», я решал как бы две задачи. Тактическая задача — написать сцены ухода на войну крестьян из одного села. И до меня многие произведения начинались описанием сборов на войну. Но эти зачины всегда лишь

предваряли главные события, писались они бегом, походя, как всякий пролог перед основным действием. Я же решил остановиться именно на этом прологе, усмотрев в нем для себя доселе неиспользованные возможности создания развернутого эпического полотна, и тем самым как бы заполнить пустующую клетку в мозаике военной литературы. То, что моя повесть нашла место, никем не занятое, ни с кем не пересекаясь, не посягая на чей-либо приоритет, принесло мне огромное удовлетворение. Потому что нет большего счастья для писателя, чем сказать нечто свое.

И была стратегическая задача — провести мысль об исконном миролюбии нашего народа. Суть человека труда и особенно хлебороба такова, что он к войне никогда не готов. Никогда! Даже вот дай ему ружье, скажи — завтра будет война, он все равно к ней не готов, потому что это не формальное дело: напялил каску — и

уже солдат. Обращение земледельца в солдата — это всегда трудный психологический порог, всегда тяжелая внутренняя ломка. И кому ведомо, о чем только передумает этот человек, пока его стригут наголо, моют в солдатской бане, примеряют армейские сапоги, потом везут в теплушке к огненному рубежу... Но и там он останется все тем же тружеником, вынужденным стрелять и колоть постольку, поскольку Родина его оказалась в опасности, осквернена нашествием врага. У меня в повести один из персонажей говорит, что не так страшно самому умереть, как убить другого, даже если он неприятель. Да, убивать страшно. По-человечески страшно. И этим хвастать нельзя. В другом месте старика Селивана, участника японской и первой империалистической, спрашивают односельчане — новобранцы: «Страшно было убивать?» И, вы помните, там такая деталь: он посмотрел на свои руки и убрал их под стол. Он ими когда-то колот, убивал. К этому нельзя привыкнуть нормальному человеку.

Для меня важно было подчеркнуть — уже спустя тридцать с лишним лет — мысль о том, что вся суть наших целей и устремлений миролюбивая. Это вовсе не

означает, что мы не способны защищаться и дать достойный отпор. Не раз уже доказывалось, что если русского человека вывести из себя, он встает и бьет врага, и делает это со всей священной страстностью и негодованием. Но никогда руки его, занятые мирным делом, не сжаты в кулаки на кого-то заведомо. Все наши политические, дипломатические усилия тогда и теперь — установить угрозу войны, внушить, убедить, договориться — выражают истинное настроение нашего народа, потому что действительно мы не хотим войны: не потому что мы слабы или у нас нет средств окоротить агрессора, а из большого гуманистического понимания этого как огромной и необязательной беды. Вот что мне хотелось подчеркнуть и выразить в своем последнем слове о войне. И я рад, что повесть уже переведена на многие языки. Пусть и наши друзья, и наши недруги прочитают, как непривычно было примерять на себе каску войны и как тяжки были эти первые версты от своего дома в чудовищное пекло, откуда не вернулось двадцать миллионов.

Носов рассказывает о работе над формой, о языке повести. Язык ее необычен, многоцветен, народных слов и выражений

щедро выплеснуто на страницы «Шлемоносцев».

— Я никогда не пользуюсь словарем, — объясняет Носов. — Все, что я вспоминаю и к чему обращаюсь иногда, пришло от моей бабушки Варвары Ивановны. Неграмотная крестьянка, не умевшая читать, она неведомо откуда наизусть знала кое-что из Пушкина, Некрасова, Кольцова, была неисчерпаема на сказки, но и сама ее повседневный язык, как я могу теперь судить, был сущим кладом. Быт, домовая и дворовая утварь того времени тоже хранили много понятий, теперь уже почти утраченных с бурными изменениями уклада современной деревни. Все это бережет моя память, хотя я и не деревенский. Родился в селе, но прожил там только первые два неосознанных года. Потом меня увезли, мы жили на Украине, в городе Артемовске, отец там работал на стройке, потом в двадцать девятом переехали в Курск... Отец все время на заводе работал, я, соответственно, тоже жил этим заводом. Но в деревне часто бывал у деда и бабушки, иногда живал все лето, с дедом своим и пахал, и сеял, и впечатления детства засели очень прочно, в том числе и язык. И мне не приходится ни особо напрягаться, ни специально изучать, например, Даля.

Что определило необходимость в «Усыатских шлемоносцах» прибегнуть к такому языку? Прежде всего потребность придать произведению особую героико-патетическую тональность, способствующую наиболее полной передаче величия подвига моего народа. Эта тональность была взята заранее. Как, скажем, пашут, берут плуг и ставят деление на нужную глубину, так и я поставил на какую-то отметку, на уровне которой должен работать, именно в таком ключе, таким языком. «В лето, как быть тому, Касьян косил с усыатскими мужиками сено». Это летописная строка, первая в повести, как камертон, по ней потом уже все отмеривалось. Какую-нибудь современную вещь о заводе, например, я таким языком не стану писать, и это будет другая отметка на моем «плуге», по которой я стану пахать.

Почему я все же мало писал о войне? Меня захлестнули проблемы сегодняшнего дня, они волновали, буквально хватали за рукав. Я их писал, откладывал войну. Иногда война все же прорывалась, так было написано «Красное

вино Победы», «Шопен, соната номер два»...

Но если говорить строго, то я не вижу для себя резких границ между темой войны и темой мирной повседневности. Ибо все это входит в понятие главенствующей темы: человек и земля. Как писателя меня интересует не сама баталия, не передвижки полков и дивизий, а поведение человека на войне, главным образом все того же простого труженика земли. Вот почему на будущее я наметил себе не непосредственную батальную тему, а опять-таки «околовоенную». Хочу написать повесть о послевоенной деревне. Очень короткий период ее жизни — сразу после того, как наши освободили это село. Собственно, села нет, оно сожжено. Гнетущая высота печных труб, черные головешки пожарища, остовы ржавых коек, там и сям битая посуда под открытым небом... Как уцелевшие люди пережили вот эту первую зиму освобождения, как, зарывшись в землю, чаили прихода весны, первой борозды, первой зеленой травки. Меня это интересует опять же потому, что в этой глубоко драматической ситуации я вижу огромные, многие обойденные возможности для создания своеобразного, глубоко национального полотна, раскрывающего высоту и крепость народного духа, неистощимость и неистребимость его жизненных сил.

— А вообще, — замечает Носов, — пришла пора, когда все настоящее просится тема человеческой совместности. Назрела неотложная необходимость совершенствовать отношения друг с другом! Нас становится все больше. Теснота уже ощущается в загородном лесу, а не только в гостиницах. Но эта теснота не оттого, что нам не хватает места. Один пьяный горлопан и сквернослов делает наш мир с овчинку. Брошенные в лесу бутылки, комья газет, выжженные пятна кошачьих, вытоптанные поляны разгульных гитарно-палаточных стойбищ оставляют щемящее чувство неуютности и тесноты. Эта треклятая фольговая пробка от сорокаградусной — где ее только не встретишь... В иных куцах грибов меньше, чем этих зловещих металлических беретов...

От поведения человека среди людей исходят все другие проблемы: отношение к труду, к рабочей дисциплине, к женщине, ребенку, земле... Как раз здесь-то литература

отстает от материальных изменений в жизни.

Иной крестьянин строит дом, хороший, добротный, и, пока строит, так обрывает дурнотравьем, что только одна крыша видна. И потом так и живет, проломив сквозь бурьян дорогу к сельпо или к колхозной конторе. Дети в бурьянах в прятки играют, незаметно привыкают к неуважению к родной же земле. Сорняк под окном, у порога собственного дома — это и есть первый знак человеческого нерадения. Вряд ли такой пахарь вздрогнет душой, увидев бурьян на общественном поле.

Мы беседем с Носовым в его кабинете — большой комнате с книжными полками по стенам. Книг много, но нельзя сказать, что полки буквально ломятся от них. Оказывается, это не случайно. То, что говорит по этому поводу писатель, еще раз убеждает, что подлинная любовь и уважение к книгам далеки от желания иметь их как можно больше.

— Когда человек хочет подписаться, допустим, на Чехова, — это понятно. Но если он подписывается на Библиотеку всемирной литературы из 200 томов или го- няется за всеми собраниями сочинений, я не убежден, что все это ему нужно, что все это будет прочитано. Кто-то подсчитал, что если человек доживет до среднего — семидесятилетнего — возраста, и если с детства будет читать по сто страниц в день, то сможет прочитать только две тысячи книг. А практически сто страниц в день читать нельзя, даже пятьдесят не получается, то есть уже меньше тысячи книг... И я знаю, что если я займу огромную библиотеку, она мне будет укором. Но есть люди, которые об этом не думают, не подсчитывают. Они инстинктивно, как щука на блесну, набрасываются на книги, хватают их без разбору. Хорошая, а главное, большая библиотека стала престижной вещью. От престижности перемены и в книжной торговле. Нравы «черного рынка» обрубают капилляры, со- суды, через которые должны идти в народ мысли, чувства писателя. Удручает, что люди стали все меньше ходить в публичные библиотеки. Вспоминаю, с каким праздничным чувством бежали мы, довоенные мальчишки, в нашу районную библиотеку.

«Усыатские шлемоносцы», «Шумит луговая овсяница», «И улыбают пароходы...» В этих книгах Носова — мысли и чувства человека, поразительно чувствующего радости, тревоги, боли родной земли. Он любит эту землю ровной, терпеливой любовью. Она дорога писателю в редкие, но шумные и запоминающиеся праздники, но еще больше в будни, когда делаются самые главные дела, для которых живет на земле человек.

А. ЮРИКОВ.

КУРСК. Фото Н. Кочнева.